

**ОТСТАИВАЯ ПРАВО НА ИНАКОВОСТЬ:
ТЕМЫ ЕВРЕЙСТВА, АЛЬТЕРНАТИВНОЙ
МАСКУЛИННОСТИ И ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ
В ТРУДАХ ИГОРЯ КОНА**

Алек Д. ЭПШТЕЙН

Открытый университет Израиля

alekdep@gmail.com

Кончина выдающегося гуманиста и необычайно трудолюбивого и продуктивного социального мыслителя Игоря Семеновича Кона (он ушел из жизни 27 апреля 2011 года) стала настоящей трагедией для очень многих людей, хотя своих детей и внуков у него не было и, как следствие, не было прямых родственников, которые могли оплакать его уход. Игорь Семенович Кон работал на стыке науки и просветительского литературно-публицистического творчества, написав и отредактировав многие десятки книг на самые разные темы, но в России всегда хватало и ученых, и писателей, и явно не осознание того, что из под его пера больше не выйдут новые книги заставило столь многих людей глубоко и искренне переживать его смерть как свою трагедию. Защитив еще в 1950 году сразу две кандидатские диссертации – об общественно-политических взглядах Джона Мильтона и об этических воззрениях Николая Чернышевского – И. С. Кон за последующие шесть десятилетий стал признанным корифеем в самых различных областях знания, от этнографии детства и истории западной социологии до гендерной психологии и социологии молодежи. Однако по всем этим областям знаний в России были, есть и будут и другие специалисты, и если бы И. С. Кон остался в этих рамках, то этого бы, конечно, хватило для получения звания академика Российской академии образования, статуса главного научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН и медали ордена “За заслуги пе-

ред Отечеством” (эти артефакты социального признания у него имелись), но никак не было достаточно для того, чтобы столь многие, казалось бы, чужие ему люди чувствовали себя осиротевшими с его смертью.

В последние пятнадцать лет академик Российской академии образования Игорь Кон был самой публично значимой и уважаемой общественной фигурой, который в статьях, книгах, публичных лекциях (регулярных курсов он не вел) и выступлениях в СМИ отстаивал права тех, кого раньше стыдливо называли “сексуальными меньшинствами”. Четкая и ясная позиция Игоря Кона по этой теме, принимая во внимание ее статус в окружавшем его гомофобном обществе, управляемом гомофобной властью, на восьмом десятке лет превратили его в ультимативно признанного интеллектуально-го наставника и нравственного маяка формирующегося ЛГБТ-сообщества. Игорь Кон на протяжении многих лет фактически был наиболее резонансным публичным интеллектуалом в сфере правозащитного ЛГБТ-активизма в России, несравнимым по влиянию и авторитетности ни с кем другим. И всем, кто пришел на его похороны, было понятно, что в этом качестве замены ему нет совершенно, он оставил после себя зияющую лакуну... Уход Игоря Кона для общественного дискурса сравним с трагической гибелью Анны Политковской или Стаса Маркелова, дела которых – будь то в сфере гражданской журналистики в защиту жителей Северного Кавказа или в сфере юридической правозащиты левых активистов: социалистов, анархистов и антифашистов – продолжить оказалось некому, личностей такого масштаба больше не нашлось. Смерть Игоря Кона – аналогичный случай, и потому записи о том, что с его уходом российское ЛГБТ-сообщество осиротело, едва ли являются преувеличениями.

Игорь Кон был ученым в значительно меньшей степени, чем он был общественным деятелем, использовавшим результаты научных исследований в борьбе за более просвещенное будущее. По большому счету он был одиночкой, работавшим за письменным столом, что, в общем, – определенная проблема для человека, занимающегося более прикладными, чем теоретическими вопросами в тех областях, в которых происходящие в мире перемены отражаются особенно быстро. Во всех трех последних его книгах – “Мужчина в меняющемся мире”, “Мальчик – отец мужчины” (обе вышли в 2009 г.) и “Клубничка на березке. Сексуальная культура в России” (ее третье,

переработанное и дополненное, издание вышло в 2010 году) – автор ссылается лишь на чужие эмпирические исследования, коих по описываемым им темам в России делалось и делается крайне мало. Игорь Кон был одним из очень немногих в России ученых – публичных интеллектуалов. Хотя его отличало последовательное либеральное мировоззрение, в своем отношении к знанию он следовал именно марксистской логике: задача состоит не столько в том, чтобы объяснить мир, сколько в том, чтобы изменить его. Игорь Кон боролся за сексуальное просвещение, открытость, “нормализацию гомосексуальности” (так называлась его статья, опубликованная в 2003 году), против гомофобии, ксенофобии и национализма. При этом позиции Игоря Кона в вопросах, в которых он считался “прогрессивной общественностью” самым прогрессивным специалистом в стране, были крайне “передовыми” только по российским понятиям. Так, он охарактеризовал как “ненаучную фантастику” предложение о том, что общество должно признавать свободное право индивида на регистрацию своей гендерной идентичности, аналогичное существующему в социал-либеральных обществах праву на выбор национальной или конфессиональной идентичностей. Игорь Кон одним из первых в стране попытался разобраться в том, что представляет собой квир-теория, но ему самому она близкой не стала: в наших разговорах мысль о том, что человек имеет такое же право на выбор записи о своей гендерной идентичности в документах (мужчина, женщина или третий пол), как и повсеместно признанное право о свободном выборе идентичности национальной или конфессиональной, он отметил как “утопию” и “ненаучную фантастику”.

Игорь Кон писал очень много, и его интеллектуальное наследие чрезвычайно обширно. Он начал печататься в период позднего сталинизма, и его статьи и брошюры, опубликованные до 1966 года, несут на себе жесткий отпечаток идеологических клише того времени. Названия его первых книг говорят сами за себя: “Развитие личности при социализме” (1954), “Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли” (1959), “Мораль коммунистическая и мораль буржуазная” (1960), “Свобода в ‘свободном обществе’” (1961)... Перелом наступил в 1966 году, когда 38-летний И. С. Кон начал сотрудничать в журнале “Новый мир”.

За исключением сравнительно короткого периода в начале своего жизненного пути, Игорь Кон нигде не преподавал; он также практически не

занимался с аспирантами (С. И. Голод – едва ли не единственное исключение за все шестьдесят лет карьеры И. С. Кона в научных учреждениях) и не занимал никаких административных должностей. Не было ли в этом определенной безответственности, желания самоустраниться от неприятной “обязаловки”, пусть и ценой отказа от помощи тем молодым людям, студентам и аспирантам, кому он мог бы помочь? Не виноват ли сам И. С. Кон, что оставил после своей смерти лакуну в общественно-интеллектуальном поле? Я, более или менее деликатно, задавал ему эти вопросы, но так и не понял, увы, его ответы на них.

Одно можно сказать наверняка: самоустранение от преподавательской и административной работы оставляли И. С. Кону время писать, а работал он всю жизнь очень и очень много. Начав «второй этап» своей интеллектуальной биографии с впоследствии переведенной на шесть языков книги “Социология личности” (1967) Игорь Кон продолжил его книгами “Открытис Я” (1978) и “В поисках себя: личность и ее самосознание” (1984), также изданными на шести-семи языках. Небольшая книжка “Психология юношеской дружбы” (1973) стала началом движения как в сторону первого в стране учебника для студентов педвузов “Психология юношеского возраста” (1979; издание 1989 года озаглавлено “Психология ранней юности”), так и в сторону книги “Дружба”, к которой И. С. Кон возвращался на протяжении нескольких десятилетий: первое издание вышло в 1980 году, четвертое – в 2005. За “Введением в сексологию” (1988) последовали “Вкус запретного плода” (1992), “Сексуальная культура в России” (1997), “Лики и маски однополый любви” (1998), “Мужское тело в истории культуры” (2003), “Сексуальность и культура” (2004) и учебник “Сексология” (2004) для студентов вузов.

Как едва ли не любого русско-еврейского разночинского интеллектуала Игоря Кона не оставлял равнодушным “национальный вопрос”. Его подход к этим вопросам был достаточно типичен для интеллигента-“шестидесятника”, ставившего во главу угла интернационалистские ценности. В сентябре 1966 года в любимом социал-либеральной интеллигенцией “Новом мире” вышла его статья “Психология предрассудка” с подзаголовком: “О социально-психологических корнях этнических предрассудков”, в которой проблема антисемитизма, его корней и причин поднималась многократно, что было явлением едва ли не уникальным для массового “толсто-

го” журнала того времени. Представляется, что уже через год, когда вследствие Шестидневной войны Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Государством Израиль, опубликование подобной статьи было бы невозможным, хотя рассмотрение этой темы в тексте Игоря Кона дано в контекстах идейных врагов советской власти. Все рассматриваемые им примеры антисемитских проявлений взяты из нацистской или американской социальной истории. “Если бы я писал эту статью сейчас, я бы, конечно, многое исправил”, – указал И. С. Кон при подготовке издания его избранных трудов в конце 1990-х. В частности, он подчеркнул, что “следовало бы рассмотреть историческую эволюцию и конкретные особенности советского антисемитизма. В 1966 году это было невозможно”¹.

Ремарка о том, что “в 1966 году это было невозможно”, говорит о самом И. С. Коне едва ли не больше, чем о реалиях советской интеллектуальной жизни. Как раз примерно в то время москвич Михаил Байтальский (1903–1978) писал книгу “Русские евреи вчера и сегодня”, две главы которой были напечатаны в самиздатском журнале “Евреи в СССР”, а полный текст вышел отдельным изданием (под псевдонимом И. Домальский) в Израиле в 1975 году; двенадцатая глава книги называлась “Скрытая болезнь антисемитизма”. В 1977 году М. Д. Байтальский закончил книгу “Новое в антисемитизме”, которая спустя два года также была опубликована в Израиле в сборнике “Антисемитизм в Советском Союзе. Его корни и последствия”². Т. е. невозможно было не столько писать об этом, сколько надеяться на публикацию в Советском Союзе в официозной печати. Игорь Кон никогда не был апологетом правящего режима, но диссидентом он тоже никогда не был, и ни для “самиздата”, ни для “тамиздата” никогда ничего не писал.

Опубликовав “Психологию предрассудка”, Игорь Кон еврейскую тему для себя закрыл достаточно надолго. Мы не знаем, было ли это добровольным интеллектуальным выбором, следствием авторского ощущения, что проблема уже рассмотрена и проанализирована с должной глубиной, либо же перед нами пример внутренней цензуры человека, понимавшего, что могло, а что не могло быть опубликовано в Советском Союзе в то время и готовившего свои тексты к печати соответственно. В опубликованной пять лет спустя, уже после ухода А. Т. Твардовского, в том же “Новом мире” работе “Диалектика развития наций” слово “еврей” упоминается всего один раз,

через запятую с “ирландскими, итальянскими и польскими католиками”³. Много позже, в начале 1980-х, появилась статья И. С. Кона “К проблеме национального характера”, но и в ней евреям посвящен всего один абзац:

“Американские социологи заинтересовались, почему в США процент евреев-иммигрантов, получавших среднее и высшее образование, был значительно выше, нежели процент итальянцев при тех же объективных условиях. Группе мальчиков, итальянцев и евреев, был задан вопрос: какого рода профессиональные занятия планируют для них родители? В обеих группах цели ставились достаточно высокие, но итальянские мальчики знали, что их родители удовлетворятся и чем-то меньшим. Напротив, еврейские мальчики считали, что, если поставленные перед ними цели не будут достигнуты, их родители будут горько разочарованы, и поэтому они чувствовали себя обязанными преуспеть. Там, где индивидуальные способности ребенка не соответствуют этим притязаниям, то возникающее в связи с этим психологическое давление рождает напряженность и, возможно, – невротизм, зато в других случаях оно, несомненно, способствует успеху”⁴.

Кажется, И. С. Кон писал здесь не столько об американском обществе, сколько о себе и своем детстве. “Кроме обязательных предметов, я параллельно занимался тремя иностранными языками, составлял собственные четырехязычные словари и т. д.”, – вспоминал И. С. Кон о том, как проходила его учеба в седьмом классе школы в дни войны, в эвакуации в Чувашии, куда они с мамой успели уехать из Ленинграда осенью 1941 года⁵. Образование имело огромную значимость в той семье и среде, где он рос, и исключительные достижения в этой сфере виделись едва ли не единственным ключом к возможным будущим успехам в жизни.

Рассмотрение Игорем Коном феномена антисемитизма было типичным для мировоззрения человека его круга. Подобно тому, как сейчас принято считать “воображаемыми сообществами” национальные группы, так он показывал иллюзорную структурированность стереотипов, сеющих межнациональную рознь:

“Объяснения враждебности могут меняться и даже противоречить одно другому, а враждебность, тем не менее, остается. Легче всего это по-

казать на примере того же антисемитизма. В средние века основным ‘аргументом’ против евреев было то, что они распяли Христа, который сам был евреем, и, следовательно, речь идет не о национальной, а о религиозной вражде; многие верили, что евреи имеют хвосты, кроме того, они считались нечистыми в физическом смысле. Сегодня мало кто утверждает, что евреи нечистоплотны. Потеряла значение для большинства людей и религиозная рознь. А предубеждение осталось. Гитлеровская пропаганда, чтобы натравить на евреев простых людей, говорила о ‘еврейском капитале’, ставя знак равенства между евреями и ‘международными банкирами’; американские маккартисты обвиняли евреев в ‘антиамериканизме’, связи с ‘коммунистическим заговором’ и т. п.’⁶

Приведа примеры антисемитских инсинуаций из арсеналов нацистской и маккартистской пропаганды, и без него повсеместно презираемых в Советском Союзе, Игорь Кон выдвинул материалистическое объяснение рассматриваемого им феномена, вполне укладывающееся в идейный канон того времени:

“Наиболее устойчивые и сильные предубеждения существуют к тем этническим группам, которые в силу особенностей исторического развития были в определенные периоды наиболее опасными экономическими конкурентами. Особенно характерно в этом смысле отношение к евреям. На протяжении длительного периода европейской истории евреи олицетворяли товарно-денежные отношения в недрах натурального хозяйства. ... Задолженность и разорение легко ассоциировались в отсталом сознании с образом еврея-ростовщика или еврея-торговца, который становился, таким образом, символом всяческих неприятностей. Церковь и феодалы умело играли на этих настроениях. Им было выгодно развивать торговлю и ремесло, поэтому они поощряли создание еврейского гетто, получая за это хорошую мзду. Когда требовалось дать выход массовому недовольству, его легко можно было направить против евреев. Львиная доля разграбленного еврейского имущества попадала в руки самого феодала, а затем он получал еще деньги и от еврейской общины за спасение от будущих погромов. Так продолжалось долгие столетия”⁷.

Однако на этом марксистском по сути своей объяснении феномена антисемитизма И. С. Кон не остановился. Перефразировав строку из впервые опубликованной в СССР за год до этого, в 1965 году, “Поэмы конца” (1924) Марины Цветаевой “В сём христианнейшем из миров // Поэты – жида!”⁸, Игорь Кон постулировал, что “еврей символизирует интеллигента вообще”⁹. Через несколько страниц он развил эту мысль: “Сегодня антисемитизм теснее всего связан с антиинтеллектуализмом. ... Образ еврея-интеллигента воплощает в себе всю ненависть, которую питает темное сознание к тому, что выходит за пределы его понимания”¹⁰.

Интересно, что к тезису, изложенному в этой своей статье, не упоминая ее заголовка, И. С. Кон вернулся четыре десятилетия спустя, анализируя феномен гомофобии:

“Гомофобию нельзя понять вне макроисторического контекста. Не исключено, что сторонники идеи ‘Россия для русских’ скоро будут предпочитать бездетного русского гея многодетному этническому таджику, оттягивающему на себя ‘наш’ материнский капитал. ... Если/когда в России разразится предсказываемый политологами системный кризис, главными ‘либерастами’ неизбежно окажутся ‘жидомасоны’. Традиционализм неотделим от антиинтеллектуализма, а антиинтеллектуализм – характернейшая черта современного антисемитизма. Я писал об этом в 1966 году”¹¹.

Таким образом, И. С. Кон провел параллель между ненавистью по национальному признаку (антисемитизмом) и ненавистью по признаку сексуальной идентичности и ориентации (гомофобией), представив обе как примеры традиционалистского антиинтеллектуализма. Это – существенный шаг вперед в сравнении с большинством социал-либералов-«шестидесятников», в мировоззрении которых неприятие антисемитизма вполне сочетается с дремучей убежденностью в том, что гомосексуалы – больные люди, которым можно, в лучшем случае, посочувствовать, но от которых стоит держаться подальше.

В книге “Лунный свет на заре” Игорь Кон пошел еще дальше, представив нацистскую гомофобию как *следствие* антисемитизма и ксенофобии:

“Нацистская партия с самого начала относилась к однополый любви враждебно, отождествляя ее с еврейством, женственностью и ‘мораль-

ным вырождением'. В программной декларации нацистов во время избирательной кампании 1928 говорилось: 'Те, кто допускает любовь между мужчинами или между женщинами – наши враги, потому что такое поведение ослабляет нацию и лишает ее мужества'¹².

Не менее важно и то, что И. С. Кон избежал искушения еврейским национализмом, ставшего привлекательным для многих из тех, кто искал какую-то идейную альтернативу советской послевоенной идеологии пролетарского имперского интернационализма. И. С. Кон как раз отстаивал интернационалистические ценности, причем делал это совершенно искренне:

“У меньшинства, подвергающегося дискриминации, вырабатывается точно такой же искаженный, иррациональный, враждебный стереотип большинства, с которым оно имеет дело. Для националистически настроенного еврея все человечество делится на евреев и антисемитов плюс некоторая ‘промежуточная’ группа”¹³.

И чуть дальше: “Выступая в защиту угнетаемых национальных меньшинств, не следует в то же время идеализировать их. Наивно, например, думать, будто тот, кто сам подвергается национальному гнету, в силу этого автоматически становится интернационалистом”¹⁴.

Впрочем, это всё как раз для “шестидесятников” довольно естественно. Дальнейшие слова автора были куда менее тривиальными. В советской еврейской интеллигентской среде была принята национальная апологетика, И. С. Кон же подчеркивал, что евреи, требуя уважения и прав, могут оставаться глухими к дискриминации других национальных групп. Тот факт, что евреев он упоминал исключительно “американских”, конечно, не должен вводить в заблуждение (Булат Окуджава, вообще, пел о советской стране песню “Римская империя времени упадка”¹⁵):

“Социологические исследования показывают, что дискриминируемое меньшинство усваивает в целом систему этнических представлений окружающего большинства, в том числе его предубеждения в отношении других меньшинств. Так, американский еврей может быть противником гражданского равноправия негров, а негр – принимать за чистую монету утверждения антисемитской пропаганды”¹⁶.

И. С. Кон вспомнил о евреях и неграх в конце 1990-х, когда описывал принципы движения за равноправие гомосексуалов. И вновь он подчеркивал, что, поскольку антисемитизм, расизм и гомофобия – явления одного порядка, то и борьба с ними должна основываться на одних и тех же принципах:

“Под влиянием общего подъема демократического движения в США в 1960-х годах геевское движение радикализировалось. Важную роль в этом сыграл Франклин Кэмени, выходец из еврейского среднего класса Нью-Йорка, вундеркинд, получивший ученую степень по астрономии в Гарварде. ... Кэмени подчеркивал, что нужно не просить снисхождения, а добиваться гражданских прав в союзе с остальными демократическими силами. ... Негритянские организации не волнует, какой именно ген определяет темноту кожи и как ее можно выбелить. Еврейские организации не заинтересованы в искоренение антисемитизма путем крещения свреев. То же самое должны делать и гомосексуалы”¹⁷.

Важно подчеркнуть, что когда в 2000-е годы И. С. Кон писал о мировоззрении гомосексуалов, то был далек от апологетики: подобно тому, как он не считал “светочем народов” евреев, геи тоже не казались ему людьми априори высоконравственными. Он отмечал и распространенность в их среде ксенофобских настроений (“некоторые ‘гей-славяне’ уже готовы, судя по письмам на Gay.ru, бороться с ‘цыганской’ и ‘еврейской’ угрозой”¹⁸), и факт формирования в их среде своей мало на чем основанной “мифологии превосходства” над теми, кто ведет отличный от них образ жизни. При этом И. С. Кон вновь провел параллель, на этот раз не статусную, а, скорее, социально-психологическую, между гомосексуалами и евреями:

“Для доказательства ‘превосходства’ геев над гетеросексуальным большинством часто используется идея особого ‘геевского духа’ и ‘геевской души’. На мой взгляд, это имеет под собой не больше оснований, чем претензия евреев на роль ‘избранного Богом’ народа...”¹⁹.

В книге “Сексуальная культура в России”, впервые изданной в 1997 году, И. С. Кон вновь провел эту параллель, но теперь уже с точки зрения отношения общественного большинства к гомосексуалам и евреям как к меньшинствам: “Страх и ненависть к гомосексуалам – прежде всего, элемент культуры и общественного сознания, одно из многих предубеждений

и враждебных стереотипов, таких как расизм, сексизм и антисемитизм, и понять его можно только в этом, социально-психологическом контексте”²⁰.

В третьем издании этой книги, вышедшем в 2010 году (оно навсегда останется в моей библиотеке с дарственной надписью автора), И. С. Кон выразил эту мысль еще точнее и объемнее, обозначив ненависть к гомосексуалам как форму ксенофобии: “Подобно всякой иной ксенофобии, с которой она неразрывно переплетается, гомофобия усиливает атмосферу ненависти, подозрительности и неприязни к любой Инаковости, что отравляет психологический климат страны, делает ее опасной для жизни и непривлекательной для иностранцев”²¹.

В изданной в 2009 году монографии “Мужчина в меняющемся мире” И. С. Кон вновь вернулся к еврейской теме, причем в аспекте, никем из интеллектуалов-«шестидесятников» никогда не поднимавшемся. Если прежде он, как и все остальные, писал об искусственности формирования антисемитских стереотипов, их несоответствия реальности, то здесь уже речь шла о том, что евреи *в самом деле* другие, причем эта их инаковость автору очевидно импонировала. “Альтернативная еврейская маскулинность (*Edelkayt*) означает мягкость и деликатность, ее идеальный субъект – не воин и не торговец, а посвятивший всю свою жизнь изучению Торы ученый-талмудист или его секуляризованный младший брат *Mentsh*. В этом образе закодированы такие черты, как развитая рефлексия, сдержанность, умение переносить насилие, не теряя внутреннего достоинства и самоконтроля”²². Кажется, трудно подобрать более точные слова для описания самого Игоря Семеновича – необычайно стойкого человека, никогда не терявшего внутреннего достоинства и самоконтроля.

На сегодняшний день Игорь Кон, если меня не обманывает память, остается единственным российским еврейским интеллектуалом, который поднимал в своих работах национальные особенности гендерной идентичности народа, к которому сам он принадлежал. Тема эта – весьма и весьма проблематичная, и И. С. Кон сам в одном абзаце объяснил, почему:

“В старой антисемитской литературе еврейских мужчин обычно изображали женственными хлюпиками, неспособными постоять за себя и выживающими только за счет изворотливости и хитрости. Представления о женственности распространялись и на ‘еврейское тело’. ... Не-

мецкая медицина XIX в. приписывала евреям повышенную склонность к истерии, а также нередко ассоциировала еврейство с гомосексуальностью. Эту стигму восприняли некоторые еврейские интеллектуалы, испытывавшие по этому поводу комплекс неполноценности (Отто Вейнингер, Марсель Пруст). Смущала она и Фрейда. Поскольку гитлеровцы объявили взаимосвязь истерии, еврейства, женственности и гомосексуальности закономерной и неустранимой, после Второй мировой войны представление о феминности евреев считали злостной выдумкой антисемитов. Казалось, что вопрос закрыт²³.

Однако вопрос этот, на самом деле, куда более сложный. И. С. Кон продолжал:

“Известный американский специалист по иудаизму Дэниэл Боярин, которого никто не мог заподозрить ни в антисемитизме, ни в гомофобии, увидел здесь реальную проблему. По его мнению, за образом женственного еврея стоит не только антисемитский стерсотип, но и действительно присущий еврейской культуре нетрадиционный канон маскулинности, требующий от мужчины не столько силы и воинственности, сколько ума и терпения. Истоки этой философии корнятся в древней талмудистской традиции. ... Если для христиан еврей был презренным слабаком, за счет которого можно утверждаться в собственной агрессивной маскулинности, то для верующего еврея ‘гой’ – презренный гиперсемец, вся сила которого заключена в мускулах, тогда как настоящая мужская сила – в духе. В традиционной еврейской культуре всегда высоко ценилось образование. Наряду с энергичными и предприимчивыми юношами, в еврейской общине уважительно относились к бледным и хилым талмудистам, посвящавшим свою жизнь изучению Торы. Хотя брак с такими молодыми людьми не сулил девушкам богатства, они считались завидными женихами, тем более что женщины к духовным занятиям не допускались. Кстати, из этих оторванных от жизни и социально беспомощных талмудистов порой вырастали великие философы и логики²⁴.”

И вновь я спрашиваю, не о самом ли себе, в частности, писал И. С. Кон эти строки, апеллируя к авторитету американского исследователя? Не защи-

щал ли он свой образ жизни – человека, который никогда не был женат, не растил детей и десятилетиями не ремонтировал собственную квартиру (символом нормативной маскулинности в Советском Союзе, как известно, считалось умение “вбить гвоздь”), но стал при этом одним из самых значительных интеллектуалов страны? Впрочем, как бы глубоко ни были персонифицированы размышления И. С. Кона, писал он, конечно, не только о себе.

Игорь Кон был человеком исключительной интеллектуальной честности, умевшим на высоком профессиональном уровне обсуждать широчайший диапазон социальных проблем языком, доступным достаточно широким кругам читателей и слушателей, а потому нет сомнений, что его книги надолго переживут его самого.

* * *

К восьмидесятилетию Игоря Семеновича издательство “Время”, в котором вышли все его последние книги, опубликовало его воспоминания “80 лет одиночества” (Москва, 2008). По неизвестным причинам интересные воспоминания о посещении им Израиля еще в самом конце советского периода ни в этой книге, ни в каких-либо других печатных изданиях никогда не выходили. Узнав, что я живу в Израиле и даже посвятил одну из своих работ анализу феномена пост-советского еврейского туризма в эту страну²⁵, Игорь Семенович накануне нашей встречи в октябре 2010 года переслал мне этот текст, который я и предлагаю далее вниманию читателей.

- ¹ Кон И. С. Психология предрассудка [1966], прим. 1 / Социологическая психология. Москва–Воронеж, 1999. С. 303.
- ² Домальский И. (Байтальский М. Д.) Русские евреи вчера и сегодня. Иерусалим, 1975; Домальский И. (Байтальский М. Д.). Новое в антисемитизме. Социальный очерк / Анти-семитизм в Советском Союзе. Его корни и последствия. Иерусалим, 1979. С. 191–318.
- ³ Кон И. С. Диалектика развития наций [1970] / Социологическая психология. С. 341.
- ⁴ Кон И. С. К проблеме национального характера [1983] / Социологическая психология. С. 318.
- ⁵ Кон И. С. 80 лет одиночества. Москва, 2008. С. 27.
- ⁶ Кон И. С. Психология предрассудка. С. 280.
- ⁷ Там же. С. 291.
- ⁸ “Поэма конца” М. И. Цветаевой была впервые опубликована в пражском альманахе “Ковчег” в 1926 году. Первая публикация в СССР: Цветаева М. И. Избранные произведения. Москва, 1965. О М. И. Цветаевой Игорь Кон писал, в частности, в книге: Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. Москва, 1998. С. 306–309.
- ⁹ Кон И. С. Психология предрассудка. С. 281.
- ¹⁰ Там же. С. 294.
- ¹¹ Кон И. С. 80 лет одиночества. С. 350–351 (в главе о книге “Лики и маски однополой любви”).
- ¹² Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. С. 221.
- ¹³ Кон И. С. Психология предрассудка. С. 298.
- ¹⁴ Там же. С. 299.
- ¹⁵ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. Санкт-Петербург, 2001. С. 362–363. Стихотворение было написано в 1982 г.
- ¹⁶ Кон И. С. Психология предрассудка. С. 299.
- ¹⁷ Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. С. 265.
- ¹⁸ Кон И. С. 80 лет одиночества. С. 351.
- ¹⁹ Кон И. С. Любовь небесного цвета. Санкт-Петербург, 2001.
- ²⁰ Кон И. С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. Москва, 1997.
- ²¹ Кон И. С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. 3-е изд. Москва, 2010. С. 557.
- ²² Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. Москва, 2009. С. 88.
- ²³ Там же. С. 87–88.
- ²⁴ Там же. С. 88–89.
- ²⁵ Эпштейн А. Д. и Хеймец Н. Г. Иерусалим небесный и земной. Столица трех религий глазами российских туристов // Истоки. Вестник Университета еврейской культуры в Восточной Украине (Харьков). 2000. № 6. С. 8–49.

Abstract

Igor Kon (1928–2011), the founding father of Russian research on sexuality and the history of gay culture, was one of the few members of the Russian intelligentsia and academic community who spoke out against homophobia and in support of a tolerant attitude towards LGBT people. Feeling himself to be an intellectual outsider despite his relatively successful academic career, Igor Kon has remained faithful to the moral duty of a scientist and continued his research and public activities.

Igor Kon's attitude towards his Jewishness was sometimes ambivalent. In his essay entitled "Identity Crisis and Post-Communist Psychology" he expressed these ambivalent feelings in the most frank way: "Am I Russian? First and foremost, the word means to me an ethnic identity. Claiming to be a Russian, I'm renouncing my half-Jewish origins. Am I a Jew? This has nothing to do with my citizenship, and even psychologically this claim is doubtful. My language, culture, education have been Russian. I've learned, long ago, to feel myself Jewish not because I did belong, but because of the anti-Semitism and discrimination".

Igor Kon had an encyclopedic erudition and a breadth of scientific interests, but he was probably more of a human rights activist rather than a pure scholar. This article summarizes Kon's writings on minorities and their rights, comparing his essays on anti-Semitism and the Jewish identity (the most emblematic one is his "The Psychology of Prejudice", published in 1966) to his books on homophobia and the gay/lesbian identity. The author argues that the right to remain different regarding social canons and cultural clichés was of crucial importance for Igor Kon, though he tried to play the role of opinion-maker and public educator in a variety of controversial issues.

МОЯ ПОЕЗДКА В ИЗРАИЛЬ
Фрагмент воспоминаний, не вошедший
в опубликованный текст
книги “80 лет одиночества”

Игорь КОН

Сильное впечатление произвела поездка в Израиль в ноябре 1990 г. Меня пригласили социальные психологи из Тель-Авивского университета, Дани Бар-Таль и его коллеги. Время было трудное – интифада, канун очередной ближневосточной войны. Американцы, опасаясь терактов, отменили даже несколько европейских конференций, а мне было все равно – после Москвы бояться особенно нечего, в России без определенной дозы фатализма и чувства юмора не выживешь.

Принимали меня очень хорошо – я, кажется, был первым известным советским социологом, посетившим Израиль. Поскольку связь с Израилем была очень плохой – электронной почты ещё не было, а факсы не доходили, телеграмма о моем прилете пришла буквально накануне, так что заранее подготовить детальную программу хозяева не смогли, но в этом была и положительная сторона, т. к. удалось полностью реализовать культурную программу. Я посетил не только Тель-Авив и Иерусалим, но все главные исторические достопримечательности, которые меня, естественно, интересовали. Программа была напряженной, так что ни с кем из прежних знакомых я не встречался, русский язык за 12 дней понадобился лишь дважды: на автостанции в Хайфе и в замечательной гимназии в Тель-Авиве, где у меня был интересный разговор с двумя старшекласниками-репатриантами. Оба мальчика жизнью в целом были довольны, но жаловались на различия “менталитета”, хотя толком объяснить, в чем именно они состоят, не могли. Все лекции и разговоры проходили по-английски.

Израильская социология и социальная психология произвели на меня самое благоприятное впечатление. Почти все люди, с которыми я встречался, имели американское образование, но к нему дополнялся западноевропейский опыт и общая гуманитарная культура, которой американцам зачастую не хватает. Интересны были и человеческие контакты. Честно говоря, я опа-

сался обнаружить в Израиле теократическое государство и воинствующий шовинизм, который, при всей его понятности, учитывая ситуацию страны, симпатии у меня не вызывает. Однако у людей, с которыми я встречался, такого духа не оказалось, к арабам они относились с пониманием и симпатией. Уличные контакты, естественно, были ограничены – время было крайне напряженное, но и там было нечто интересное. Ожидая открытия храма в Вифлееме, я случайно разговорился с двумя юношами, которые оказались местными арабами, они рассказали о трудностях своей жизни, но были вполне дружелюбны и благожелательны.

Из всех израильских музеев (памятники сравнению не подлежат) самое сильное впечатление на меня произвел Музей диаспоры. Огромное здание целиком посвящено жизни евреев в других странах. Все путеводители и замечательная женщина-гид подчеркивали, что в музее нет ни одного подлинника, только модели и копии. Казалось бы, что там смотреть? Однако он показался мне одним из интереснейших музеев мира. Экспозиция сделана так, что вам последовательно показывают разные стороны еврейской жизни – работу, семейный быт, искусство, религию и т. д. Причем, что было для меня неожиданно, не только то, как евреев притесняли и какой вклад они внесли в образ жизни и культуры приютивших их народов, но и что они сами у этих народов позаимствовали.

Казалось бы, что может быть традиционной и специфичней архитектуры и интерьера синагоги? Оказывается, даже тут есть взаимовлияния. Польские и литовские синагоги имеют нечто общее с восточноевропейскими католическими храмами, а толедская синагога – с мавританской архитектурой. Поскольку незадолго до израильской поездки я был на всемирном социологическом конгрессе в Испании и специально съездил в Толедо, я мог оценить это по достоинству. С тех пор прошло 18 лет, но Музей диаспоры я до сих пор помню не хуже, чем Стену плача, и всем, едущим в Израиль, настоятельно советую не пожалеть времени на его посещение.

Очень интересным было посещения кибуца, о жизни которых, включая совместные спальни для мальчиков и девочек, я много читал и слышал. Перед отъездом в голодную Москву (снаружи это выглядит страшнее, чем изнутри), хозяйева трогательно закармливали меня разными вкусами и

буквально насильно всучили несколько упаковок консервированных супов и прочей снеди, которые я дома полностью съел.

Кроме лекций и семинаров, было много интересных профессиональных разговоров. В это время еврейская иммиграция в Израиль становилась массовой и коллеги спросили меня, какое влияние это может оказать на израильскую политику. Я сказал, что до сих пор российские иммигранты всюду занимали ультраправые позиции. Напуганные опытом “реального социализма” и боясь, что КГБ доберется и до их новой родины, они сплошь и рядом голосовали вопреки своим собственным классовым интересам и вообще отличались крайней политической дремучестью (я наглядно видел это в США). Однако теперь положение может измениться. Советский Союз уже никому не угрожает, а новая волна еврейской эмиграции мотивирована не духовно-религиозными, а прежде всего – экономическими соображениями. Поэтому не исключено, что часть этих людей будет голосовать не по идеологическим, а по прагматическим соображениям – за те политические партии, которые не будут слишком давить на них по части освоения языка и соблюдения религиозных обрядов и позволят им максимально сохранить свои прежние бытовые привычки.

В этом отношении Израиль, при всей своей миниатюрности, может воспользоваться опытом организации общинной жизни в США. Сохранение каких-то национально-религиозных и бытовых особенностей не мешает формированию их главной американской идентичности и готовности защищать её. То же самое будет и в маленьком Израиле.

Не знаю, оправдался ли мой прогноз. К сожалению, мой первый визит в Израиль оказался единственным. Профессиональные контакты не закрепились, близких друзей у меня там нет, а групповые турпоездки меня как-то не вдохновляют.

[2008]